

РОССИЯ
В ЭПОХУ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ВО ВРЕМЕНИ

**М. С. Томчин
В. В. Зырянов
Павел Александрович Гнилорыбов
Россия в эпоху Петра
Великого. Путеводитель
путешественника во времени
Серия «Путешественники
во времени (Эксмо)»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18924442

*Россия в эпоху Петра Великого: путеводитель путешественника во
времени: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87280-0*

Аннотация

Представьте, что машина времени перенесла вас в XVII–XVIII века, когда страной правил Петр Великий... Что вы видите? Как одеваетесь? Как зарабатываете на жизнь? Сколько вам платят? Что вы едите? Где живете? Авторы этой книги раз и навсегда изменят ваш взгляд на Российскую империю, показав, что историю можно изучить, окунувшись в нее и увидев все своими глазами. Книга «Россия в эпоху Петра Великого» перенесет вас во

времени и позволит побродить по улицам, заглянуть в дворцовые покои, казармы и дома простых обывателей, развенчает легенды и раскроет малоизвестные факты.

Содержание

I	6
Размеры города и население	6
Как жить в мире с соседом	22
Как упорядочить торговлю	23
Борьба с нечистотами и состояние улиц	24
Дорожное движение и общественный порядок	27
Безопасность и пропускной режим	30
Отношение к нищим	36
Дерево или камень?	39
Появление аптек	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

П. А. Гнилорыбов, В. В. Зырянов, М. С. Томчин Россия в эпоху Петра Великого: путеводитель путешественника во времени

© Гнилорыбов П. А., Зырянов В. В., Томчин М. С.,
текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2016

*Светлой памяти
Николая Павловича Анциферова,
Петра Дмитриевича Барановского,
Алексея Николаевича Греча,
любивших Россию горячо и пламенно,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

I

Петровская Москва

Свое худо хвалить; но назло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он, может быть, и раскаивается, что затеял золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мною. Дело сделано. Дай бог цвести в красоте и славе Петрограду! (Воля ваша, мы здесь, старые русаки, не можем приучиться русский город называть немецким именем.) Но дай бог здоровья и матушке Москве!
П. А. Вяземский

*Устами я тебе и сердцем обещаюсь,
Что ты не выйдешь ввек из памяти моей.*

Павел Флеминг, 1630-е гг.,
одно из первых стихотворений о Москве

Размеры города и население

Если мы посмотрим на план Москвы, который мастера составляли восемь лет и закончили в 1739 году под руко-

водством архитектора И. Ф. Мичурина, то заметим резкий рост города в северо-восточном направлении. Вся Первопрестольная по-прежнему подчиняется кольцам Белого и Земляного города, но по вектору резко уходит в правый верхний угол.

Геодезисты всего лишь подвели итог петровским стараниям по «переделке» Москвы и зафиксировали первоначальную попытку не строить с нуля Петербург, а попытаться лишь обновить старую столицу России на свой лад. Для Петра центральная часть Москвы, видимо, кажется посредственной после европейских путешествий, а уж психологическую травму, нанесенную тысячелетним городом, он не забудет никогда. Во время волнений 1682 года погибли многие близкие родственники первого императора, и он на протяжении 1680–1700-х годов будет подсознательно бежать от Кремля. За страшные картины своего детства Петр отомстит стрельцам в 1698 году, но главное сделано – Кремль для него потерян навсегда. Анна Ахматова напишет в 1940 году:

В Кремле не надо жить – Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы;
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.

Москву времен Петра нужно искать на значительном отдалении от главной российской твердыни, бродить в районе Сокольников, Немецкой слободы, Семеновского, Преоб-

раженского, где еще сохранилась планировка улиц начала XVIII века с загадочными названиями Девятая Рота и Медовый переулок. Петр предпочел изменить старой Москве и отдался Яузе, которая представляется нам, современникам, достойной и весьма внушительной рекой. На Яузе он будет строить корабли, на берегах Яузы смолят канаты, к Яузе тяготеют многочисленные дворцы и парки нарождавшейся российской знати.

До Петербурга еще очень далеко. Петр попробует на северо-востоке от старого романовского города выстроить зеркальную Москву, Анти-Москву, лишенную пороков старого города, но умножающую новые грехи. Черновая версия для петровских градостроительных преобразований уже существовала. Речь идет о Немецкой слободе, самодостаточном поселении иностранцев, отправленных за ручей Кукуй в 1650-е годы. Здесь за два поколения успела вырасти специфическая культура европейцев, покинувших пределы исторической родины, – домики белятся по-голландски, улицы прямые, речь слышится преимущественно иностранная.

Стремление к неведомой «Европе» составляет одну из самых загадочных черт русского западника и в XVIII, и в XXI веках. Европа слишком пестра и разнообразна. Нельзя свести к единой черте норвежские фьорды и греческие городки, черепичные крыши Чехии и песчаные берега Каталонии. Пушкин, например, никогда не покидал пределов Российской империи, хотя во времена своей южной ссылки отчаян-

но рвался за Дунай. Петр первое впечатление о пресловутой «Европе» получил не покидая пределов Отечества. Здесь, в Немецкой слободе, голландское причудливо смешалось с русским. Но Петр был слишком любопытен и прямолинеен, чтобы увидеть само явление, а не декорации, поэтому и организовал Великое посольство.

Что являл собой главный российский город конца XVII – начала XVIII века? Пестрое смешение архитектурного великолепия и грязи, сельской тишины и звона колоколов, благочестия и разнузданного греха, богатства и нищеты.

Со стороны Москва выглядела грозно и вызывающе: ее защищали четыре кольца стен – Кремль, Китай, Белый город и Скородом, сюда стоит прибавить реки, служившие естественной защитой, – Москву, Яузу и Неглинную. Важными укреплениями считались монастыри – это удивительно, но если вы поищите на карте самые крупные монастыри русского Средневековья, то обнаружите, что они образуют вокруг Москвы своеобразное «ожерелье». Их так и называли, монастыри-«сторожи». Получается, что Москва могла предоставить своему жителю в конце XVII века сразу пять линий защиты. «Ворота... не имеют подъемных мостов, а закрываются крепкими дверьми, но никогда не запираются так, чтобы нельзя было легко их открыть даже ночью. У ворот стоят стрелецкие посты, около каждого ворот имеются одна-две пушки, уже довольно глубоко погружившиеся в землю, так как город давно никем не осаждался», – писал Иржи Давид

в 1680-е годы.

Чтобы противник мог столкнуться в честном бою с живой силой, в Москве симметрично расселяли стрельцов. Вдоль ворот Белого города (современного Садового кольца) стояли стрельцы Зубова (Зубовский бульвар), Левшина (Левшинские переулки), Сухарева (Сухаревская площадь), Колобова (Колобовские переулки). Стрельцы были расквартированы в районе Спасопесковской площади, Каковинских переулков, Воронцова поля.

Замоскворечье вообще представлялось современникам большой казармой. Это, конечно, не совсем так, но угроза с юга, из степи, диктовала необходимость разместить здесь сразу несколько стрелецких полков. Влияние стрельцов на сам город было огромным – ведь численность расквартированных в Москве войск превышала 20 тысяч, вместе с членами семей это чуть ли не пятая часть населения столицы на пороге петровских реформ. Войдя во вкус, понимая, что можно силой влиять на власть, стрельцы будут важнейшей разменной монетой в династических интригах 1680-х годов. Царь расправляется со своими обидчиками в 1698 году, и на освободившиеся земли приходят ремесленники и купцы.

Население Москвы в конце XVII века было строго разделено по профессиональным занятиям. По слободам расселяли многих ремесленников. В районе Сретенки жили пушкары и артиллеристы. Люди, следившие за многочисленными городскими воротами, жили в Воротниковском переулке

близ Дмитровки (затем их переселяют за Садовое кольцо, где возникнет Нововоротниковский переулок). На Патриарших еще не ходили булгаковские герои, а обитали люди, связанные с главой русской церкви. Иржи Давид дает пояснение европейскому читателю: «Слободы – это не что иное, как округа или районы, отведенные для жительства какому-то определенному сословию людей, и находятся они... на положении предместий».

На карте Замоскворечья, составленной С. Шокаревым, заметен пестрый состав московских ремесленников – сразу три слободы Садовников (Верхняя, Средняя и Нижняя), Татарская слобода, тесно связанная с Толмачевской слободой, слобода мастеров-овчинников, Кадашевская слобода, Казачья слобода, Кузнецкая слобода. Грубо говоря, человек олицетворялся со своей специальностью или происхождением. Конечно, хватало воров и маргиналов, скрывавших свое «изначалье», но с ними активно боролись.

Прислушайтесь к названиям московских переулков – они прекрасны своим звучанием, но просты. Вам сразу станет ясно, чем занимались жители переулка Огородная слобода, кого стоило искать на Мясницкой, не возникнет вопросов к жителям Котельников, Бронных улиц и Палашевских переулков. Поварская слобода дала целую россыпь переулков с «гастрономическими» названиями: Столовый, Ножовый, Хлебный. Часто профессии исчезали, и сейчас не найдешь исконных обитателей Столешникова, Кисельного, Колпачного пе-

реулков, Сыромятников, Басманной слободы, Барашей, Кошелей, Хамовников.

Музыкальный характер московской топонимики вдохновил бардов Татьяну и Сергея Никитиных на создание знаменитой песни «Окликни улицы Москвы».

Окликни улицы Москвы,
И тихо скрипнет мостовинка,
И не москвичка – московитка
Поставит вёдра на мостки.
Напьются Яузой луга,
Потянет ягодой с Полянки,
Проснутся кузни на Таганке,
А на Остоженке – стога.

Невероятно большое количество московских слобод дополнялось тем, что они делились на дворцовые, где выполняли царские заказы, казенные, где ковали славу всего государства, монастырские, принадлежавшие церкви, военные. «Отдельные города делятся на свои приказы или кварталы, во главе которых стоят определенные чиновники. Последние имеют списки и держат в поле зрения всех своих подопечных, так что никто не может легко сбежать, что весьма удивительно при таком множестве самых разных людей», – удивлялся Иржи Давид.

Жители «белых слобод» были освобождены от налогов, а жители «черных слобод» в общем-то и представляются нам

сейчас настоящими горожанами. Они платили налоги и подчинялись Земскому приказу, своеобразной «мэрии», которая следила за налогами, состоянием улиц, дорог и мостов, пожарной безопасностью, охраняла порядок. Забелин отмечал: «Завися по общей городской управе от Земского дворца или Земского приказа, каждая слобода во внутренних своих делах управлялась сама собою, выбирая себе старосту, десятских, целовальников и других лиц». Многие слободы в XVII веке работали прежде всего на государев двор, поэтому переезд столицы в Петербург негативно отразился на их состоянии.

Но при Петре происходит постепенное угасание слободы как основы городского устройства. В 1721 году Петр делит все население городов, кроме посадских жителей, на две большие гильдии. К первой относятся банкиры и «знатные купцы», доктора, аптекари, мастера золотых и серебряных дел, художники. Во вторую гильдию записали мелких торговцев и кустарей, плотников, резчиков, сапожников и столяров. Каждое «художество» или «ремесло» должно было выбрать своего старшину («алдермана») и разработать устав внутреннего регулирования.

Отголоски слободского устройства Москвы будут аукаться почти весь XVIII век, но от ситуации, когда в пределах одного района жили представители преимущественно одной профессии, начали потихоньку отходить. Настоящий город – это всегда разнообразие, смешение. До Петра Москва воис-

тину была скоплением отдельных населенных пунктов, чем оправдывала обидное, но меткое прозвище «большой деревни», или, вернее сказать, системы деревень. Иван Забелин представлял Москву как «совокупность сел и деревень, раскинутых не только по окраинам, но и в пределах городских валов и стен».

И соборы, соборы, соборы! Все путешественники, посещавшие Москву, поражались обилию храмов. Петр к церкви относился сдержанно и даже переплавлял колокола на пушки. Но и при первом императоре не угасало желание горожан видеть свой приходской храм нарядным, богатым и красивым. Церковь была для русского человека моделью идеального. Входишь в православный храм в момент службы и чувствуешь, что ты окружен красотой со всех сторон. Глаза взирают на древние иконы, уши наслаждаются пением хора, нос ощущает благодный запах ладана. «В церковь людей созывают звоном колоколов, которых здесь большое множество. Они, как и у нас, звонят во время пожара. Большинство бояр в своем доме имеют часовни или молельни, в которых совершают для них богослужения домашние попы, как бы капелланы, специально нанятые для этого», — описывает Москву иностранец.

Да, покидая пределы церкви, житель петровской Москвы опять сталкивался с будничной грязью, плохими дорогами, худыми домами, но, переступая порог церкви, он, видимо, забывал о всех горестях и погружался в мир прекрасного.

Красота церкви, увы, не спасает мир, но ревностно охраняет свой уголок рая на земле. Слабое развитие светского искусства компенсировалось огромным количеством первосортных храмов, которые строились искусными зодчими и украшались «хитрыми» живописцами. У Даля «хитрый» значит «искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый».

Москва времен Петра современному человеку покажется совершенно иным городом – с другой системой налогов, социальных отношений, общественной иерархией, государственным строем. Мы редко в ходе ежедневных поездок на работу или учебу сталкиваемся с петровской Москвой. Она дремлет в переулках, она ждет своего кропотливого исследователя – археолога «в поле», историка в архиве. Можно, конечно, любоваться картинами А. Рябушкина и А. Васнецова, но нам трудно понять, что вдоль Красной площади при Петре проходит Алевизов ров, что москвичу в конце XVII века иногда очень трудно перебраться через Неглинку, где стоят вполне себе крепкие Воскресенский и Троицкий мосты.

Даже район с отдельным названием – Занеглименье! Моховая – уже Занеглименье. Старый Московский университет – тоже Занеглименье. Переключка церковей, холмов и возвышенностей превращала Москву в сложный, но живописный организм. «Древняя топография города имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под булыжную мостовую везде исчезли сохраняемые только в

именах церковных урочищ поля, полянки и всполя, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри или дерби, кулижки, т. е. болотные места и самые болота, кочки, лужники, вражки-овраги, енды-рвы, горки, могилы и т. п., а также боры и великое множество садов и прудов», – писал Иван Забелин, готовя статью о Москве для Брокгауза. Когда проходите очередную московскую церковь, обращайтесь внимание на вторую часть ее названия (т. н. урочищное определение), и вы узнаете много интересного. Например, один из московских храмов на Маросейке имеет сразу три подобных определения – в Клённых, Блинных и Клёпках. Или бочки клепали, или блинами торговали, или клёны сажали вдоль стены Китай-города.

Средневековая Москва знавала и топонимические споры – в 1658 году Фроловские ворота Кремля переименовали в Спасские, неблагозвучные Курятные ворота стали Троицкими, Чертольская улица стала Пречистенской.

Территория Кремля была подвижна и постоянно расширялась, пока не закрепились при Иване III постоянным кольцом стен. Кремль – это город в городе. Карамзин пишет, что каждый богатый боярин стремился иметь двор или палаты внутри Кремля. У стен Кремля угнездилась торговля, живописная и красочная. «На Красной площади с утра до вечера толпилось множество людей праздных, господских слуг, купцов и продавцов всякого рода вещей. Сие место походило на римский Форум. Тут рассказывались всякие любопытные

вести», – пишет Карамзин в «Вестнике Европы». Карамзин пересказывает путешествие Олеария и упоминает место, где в «...хорошую погоду московские жители стригли себе волосы, которыми земля была там устлана как мягкими тюфяками».

Китай-город был одновременно центром торговли, религии и просвещения. На Никольской – множество монастырей и Славяно-греко-латинская академия. Вокруг Ильинки сосредоточена торговля. Варварка славится своими богатыми палатами и богомольностью. Чуть ниже, за торговыми рядами, находится пристань, где разгружают товары. Пристань находится на берегу Москвы-реки, в топком и ненадежном месте, о чем говорило название церкви Николы Мокрого.

Торопятся по своим делам мещане, купцы, служащие приказов. На улице появляются девушки. «Иностранцы чрезмерно хвалили красоту московских женщин, но с отвращением говорили о странном их обыкновении размазывать себе лицо белилами и румянами так, что сии грубые краски лежали на нем толстыми слоями», – писал Карамзин. Петр своими постановлениями о платье разбудит женскую красоту, что в итоге приведет российский XVIII век к портрету Струйской.

Насколько велика Москва при Петре? Для Иржи Давида это город «очень большой». Забелин пишет, что иностранным путешественникам второй половины XIX века называли цифру в 38 верст. Вероятно, в эту цифру включали все

лежавшие за пределами городских стен села и деревеньки. Камер-Коллежского вала еще нет, а его длина составит примерно 37 километров.

Москва позволяет считать себя окружностью только в пределах Садового кольца. Дальше начинаются сложности. Для Забелина Москва в пространстве Камер-Коллежского вала представляет «несколько ромбическую фигуру». В качестве крайних точек города он предлагает взять Новодевичий монастырь и Петропавловскую церковь в Преображенском. Длина такой линии с юго-запада на северо-восток составит 13,5 версты, «если счет вести от застав». От Ивана Великого до Преображенской заставы, самой дальней, 7,5 версты, а до Тверской, самой близкой, 3,5 версты. Что и говорить, Москва по европейским представлениям город большой. Москва – самодостаточная барышня, и мерить ее Лондоном и Флоренцией могут только иностранные путешественники. Берхгольц в апреле 1722 года своеобразно восторгался размерами Москвы. Ему нужно было пригласить несколько человек на прием. «Можно себе представить, какое огромное пространство занимает Москва, если я скажу, что мы на приглашение... шести господ... употребили около четырех часов, не оставаясь нигде долее, нежели сколько требовалось, чтобы передать в нескольких словах возложенное на нас поручение!»

Тот же Берхгольц, описывая свои путешествия по окрестностям Москвы, отмечает красоту Коломенского. Здесь при

нем еще стоит огромный дворец, выстроенный при Алексее Михайловиче и постепенно дряхлеющий: «...Все вообще так ветхо, что уж не везде можно ходить, почему наш вожатый в одном месте просил нас не ступать по двое на одну доску». Большие фруктовые сады при дворце показались иностранцу «прелестнейшими» – действительно, Коломенское всегда славилось яблоками и грушами. Некоторое время Берхгольц жил в усадьбе Свиблово, которая тоже почиталась дальней окраиной. Недалеко от Свиблова, если верить иностранцу, он осматривал «...кедровые деревья, которые, говорят, единственные здесь, в России или по крайней мере около Москвы».

К 1701 году относятся надежные сведения о числе московских жителей – к обывательским причислены 16 358 дворов. В Кремле находились 43 двора, в Китай-городе – 272, в Белом городе – 2532, в Земляном городе – 7394, за Земляным городом – 6117. Москва растет: в Китае мы насчитываем лишь 1,6 % дворов, в Белом городе – 15,4 %. Получается, средний москвич начала XVIII века имеет двор между нынешними Садовым и Бульварным кольцом, здесь сосредоточены 45,2 % всех строений. Большое количество москвичей живет в глубоком «замкадье» – 37,3 % дворов числятся за пределами Земляного города. Корнилий де Бруин, живший в Москве в 1702–1703 гг., подтверждает эти сведения: «Большая часть слобод, или места жительства стрельцов, то есть военных людей, помещается в этой последней части города.

Прежде они жили и внутри Красной и Белой стены, но с некоторого времени государь выселил их оттуда по причине беспокойного их нрава и беспрестанных почти возмущений».

Забелин приводит сведения о социальном составе обитателей петровской Москвы: «В круглых цифрах, духовенству принадлежало 1375 дворов, дворянству разных наименований – 4500, дворцовым служащим – 500, дьячеству – 1400, богатым купцам-гостям – 324, посадским – 6200, разных наименований ремесленникам и мастерам – 460, военному сословию – 570, иноземцам – 130, крепостным – 670, городовым служителям – 160, нищим – 2». Видна значительная роль духовенства и дворянства. Интересное замечание – Москва пока еще выполняет столичные функции, поэтому среди владельцев весьма высок процент военных и чиновников. Когда у Москвы отберут столичный статус, гвардейцы и служаки пера отправятся за карьерой в Северную столицу.

Русский человек, хотя и любит простор, к открытым большим пространствам относится недоверчиво. Слишком часто из степи к москвичу приходили с нехорошими намерениями. Ландшафт вокруг разнообразен. Густые леса Сокольников с одной стороны и ровные участки вроде Девичьего поля с другой. Но за четырьмя стенами Москвы в XVIII веке горожанину уже ничего не угрожает. Москвич – человек хозяйственный, поэтому к любой стене моментально будет пристроен сарайчик, а на любой свободной площадке органи-

зована торговля. Вся череда властных постановлений XVII–XVIII веков направлена на борьбу с пристройками, халупами, московской кривизной. Но что взять с простого москвича времен Петра? Он человек хозяйственный, и понятие «удобно» для него важнее понятия «красиво».

Москву слишком поздно стали исправлять линейкой и циркулем, поэтому апогеем и одновременно самым ярким примером городского пространства Москвы станет, пожалуй, какой-нибудь Кривоколенный переулок. Даже на фотографиях начала XIX века все красивые здания безбожно залеплены вывесками. Поэтому Москву легче постигать, рассматривая не геометрические фигуры, а воспринимая пятна и образы Кандинского и Лентулова, не слишком заостряя внимание на конкретных деталях.

Как жить в мире с соседом

Несмотря на средневековый характер застройки улиц Москвы, уже в середине XVII века принимаются законодательные попытки исправить ситуацию. Соборное уложение 1649 года, памятуя о пожарах, главной городской беде, призывает «печи и поварни на дворе к стене соседа своего никому не делати». Если на одной улице оказались рядом высокий, представительный дом и бедный, документ требует от богатого соседа «из своих высоких хором на те niskия хоромы соседа своего воды не лить и сору не метать». В XVII веке московские жители активно держали скот, и сразу несколько статей Соборного уложения посвящены происшествиям, связанным с собаками, коровами, баранами и быками.

Как упорядочить торговлю

Стремясь освободить главную площадь города от торговли, в 1676 году выпускают специальный указ о людях, которые торгуют на перекрестках, в палатках, «шалашах» и «рундуках». Они мешают свободному проезду и проходу других москвичей, поэтому должны торговать в специально отведенных рядах.

Петр понимает, что выгодное торговое место в центре Москвы должно стоить дорого, и в декабре 1689 года вводит новый порядок получения участков в центре Москвы. Отныне купцам запретили бесплатно отводить участки под самые выгодные виды «бизнеса» – «...под торговые лавки, и под товарные избы, и под пирожни, и под квасные кади, и под блинни... и под шалашы, и под кузницы, и под сусленные кувшины, и под свиную продажу, и ни подо что». Купцы получали свободные места после аукциона, и тот, кто назначал наибольшую цену, был обязан «оброк тот платить по вся годы безпереводно». Даже торговля скотом в петровской Москве очень строго контролировалась – все быки, бараны и коровы прибывали на Мытный двор, находившийся в районе Зарядья, и когда хозяин животных уплачивал за них все необходимые подати, скот «пятнали мытным пятном».

Борьба с нечистотами и состояние улиц

Мусор в средневековом городе являлся частью городского пейзажа, и в октябре 1688 года государи обращают внимание объезжих дворян, следящих за порядком в своем районе, чтобы они смотрели, нет ли в больших улицах и переулках «где какого помету, и мертвечины, и собак, и кошек, и иного чего». Указ предлагал владельцам дворов, рядом с которыми и были обнаружены залежи мусора, вывозить его за пределы города, в район за Новоспасским монастырем. Если же объезжие дворяне вовремя не выполняли предписаний в сфере средневекового ЖКХ, им грозило своеобразное наказание – «тот всякой помет велят им свозить на их лошадях».

В 1699 году воинам Стрелецкого приказа рекомендовали смотреть, чтобы «по большим улицам» никто не бросал «помет и мертвечину». В 1709 году Петр вновь призывает горожан, чтобы они «навоз, и мертвечину и всякой помет очистили б», свезли за Земляной город, где в «дальних местах» засыпали бы землей. Тем же указом царь назначал выборных десятских, которые должны были следить за состоянием мощеных бревнами мостовых. Если бревно кто-то украл, новые надлежало положить за счет владельца соседнего двора. «За неочистку против дворов своих всякого помета и за необрежение мостовых бревен» царь обещал кару: в первый раз:

битье батогами, во второй раз – битье батогами и штраф в 5 рублей, в третий раз – битье кнутом и штраф в 10 рублей.

«...По городу с барабанным боем, чтобы обыватели, под строгим наказанием, содержали в чистоте улицы и рыли канавы для стока воды, потому что началась оттепель. Здесь все объявляется полицией посредством барабанного боя», – с удивлением замечает иностранец Берхгольц в начале марта 1722 года. 15 марта он повторяется, что жители Москвы «...делали канавы, чистили улицы и свозили грязь, – мера крайне необходимая, потому что на улицах до того становилось грязно, что пешком по ним вовсе нельзя было ходить». Корнилий де Бруин пишет о московских улицах 1700-х годов: «Улицы города почти все покрыты бревнами или бревенчатыми мостами таким образом, что в летнее время, когда идут дожди, улицы эти почти непроходимы по причине топкой грязи, которой они наполняются. А так как торгового народу в Москве великое множество, то для лавочек их по этим улицам они должны довольствоваться небольшими помещениями, которые вечером они и запирают, уходя домой. Впрочем, в Москве есть много и очень больших улиц и довольно широких». Иржи Давид добавляет: «Улицы, имеющие свои особые названия, широкие и довольно правильные, вымощены бревнами, наподобие мостов, прокладываемых через болота».

В одном из писем, адресованных Меншикову, перечисляются все беды московского благоустройства начала XVIII

века. «Мостовые улицы мостят, не вынимая прежних подкладов и не вычищая грязи...» Значит, будет расти культурный слой на радость археологам! «...А много ж из мостов в скудные дома крадут бревна... По улицам изо многих дворов строят избы и всякое дворовое строение, а тем строением выдаются на улицы, и оттого улицы истеснились. Из дворов мечют по улицам всякий скаредной помет и собаки, и куры, и кошки и иную мертвечину, и от того помету летом бывает всякий дух, и черви рождаются, оттого болезни...» В общем, стандартный средневековый набор, от эпидемий до беспорядочной застройки.

Чистота, пусть и маленькими шагами, приходила в московскую торговлю – Петр требовал от продавцов хлеба, пирогов и калачей «носить балахоны и завески белые», а в своих заведениях пользоваться не рогожками-шкурами, а чистыми покрывалами из холста. Залежалые мясо и рыбу предлагалось закапывать и отдавать на съеденье собакам, а за продажу «мертвечины» полагалось страшное наказание – вырывали ноздри и ссылали на каторгу. Царь, казалось, опровергает историческое название улицы Мясницкая и требует, чтобы бойни и мясные ряды находились за Земляным городом.

Дорожное движение и общественный порядок

В 1680-е годы впервые задумались и о «правилах дорожного движения» – указ царей Петра и Иоанна обращается к москвичам, которые самостоятельно начали ездить в санях с большими бичами, отчего «небереженьем людей побиваете». Закон гласил, чтобы отныне владельцы телег ездили «за рулем» не сами, а с возницами, «чтобы от того никаким людем увечья не было».

К 1670 году относится именной указ «О неприезде на лошадях в Кремль», обещавший нарушителям «за то быть в опале». Видимо, указ исполнялся не очень охотно – в 1694 году Петр повторяет, что «извозчикам» в Кремле делать нечего. В 1676-м в крепость перестали пускать и телеги, причем указание требовали «записать на стенном карауле, впредь для ведома». Специальный указ 1684 года с устрашающим названием «О сохранении строжайшего порядка и благочиния в Кремле» устанавливал места «парковки» лошадей внутри московской крепости. Взывая к фигурам родовитым и владетельным, закон требует, чтобы «люди ваши стояли смирно, и меж собою драки и брани не чинили, и не кричали, и не свистали».

Особенный момент – появление царя. «В то время людем вашим на лошадях сидеть не велено», при выходе го-

сударя всех лошадей положено отвести «одадь», а шапки снять. Указ перечисляет нарушения общественного порядка в средневековой Москве: свита родовитых аристократов стоит «где им с людьми стоять не указано», постоянно бранится, затевает кулачные бои, издевается над прохожими, свистит и толкает «безлошадных». Стрельцов, которые пытались утихомирить нарушителей, нередко обсыпали нецензурной бранью и грозились побить. Тем, кто начинал дразнить и «всячески поносить» иноземцев и «сторонних русских людей», обещали прямую дорогу в Стрелецкий приказ и битье кнутом на площади.

Вопрос «парковки» в средневековой Москве стоял очень остро. Берхгольд отмечает, что его экипаж еле смог покинуть Кремль: «Мы поехали домой совершенно другой, гораздо кратчайшей дорогой, через самый город Москву, где поутру не было почти никакой возможности проехать по причине множества экипажей, стоявших около церквей».

Юст Юль отметил, что само движение по улицам Москвы – довольно приятное приключение: «Тут кстати будет заметить, что в Москве люди, которым дозволяет состояние, всегда ездят шестериком: впереди едут верхом 4–6 человек прислуги, частью затем, чтобы прочищать дорогу сквозь народ, которого по улицам толпится великое множество, частью в предохранение от нападения уличных разбойников. В России повсюду в обычае, чтобы повозки и сани, встречаясь друг с другом, разъезжались, держась правой стороны. Это

хорошая мера, и хотя ежедневно в Москве встречаются между собою тысячи саней и повозок, тем не менее благодаря ей о каких-либо повреждениях при столкновениях между ними или о том, чтобы кто-либо кого-нибудь переехал, слышишь редко». Правда, тут же он оговаривается, что булыжных и каменных мостовых в городе практически нет, а деревянные часто горят вместе с домами. Иржи Давид, описывая Ямскую слободу, говорит о «нелегальных таксистах» XVII века: «... Ямщики с лошадьми и телегами, а зимой с санями стоят на улицах, готовые любого за небольшую плату быстро довезти через город куда угодно. Это очень удобно для тех, кто не в состоянии или не хочет дома держать лошадей, ибо они всегда имеют их на улицах, готовых к услугам». Занимались ямщики этим, правда, в свободное от службы время.

Безопасность и пропускной режим

Жизнь средневекового москвича кажется нам сейчас тяжелой и монотонной: государство взваливало на него множество дополнительных функций, строго ограничивало в свободе строительства и передвижения. Так, жители, чьи дворы выходили на набережные, были обязаны самостоятельно поддерживать уровень земли, «дабы и по берегам проезд был свободно». В инструкции московскому обер-полицмейстеру встречаются и своеобразные экологические меры – москвичам запрещали выкидывать мусор в реки и водоемы, потому что не только суда идут «несвободно, но и людям вред чинится». Нарушителей били батогами.

В 1695 году Петр, кажется, задумывается и о введении своеобразной «прописки» – он требует, чтобы даже в харчевнях и в банях не было никаких «гулящих» людей. У пришедших в Москву на работу требуют «поручные записи». Одна из частей указа чуть ли не дублирует сталинскую паспортизацию 1930-х годов: «Всех приезжих и прихожих людей записывать, и самим тем прихожим людям записываться в тех приказах, где кто ведом». Царь требует, чтобы «без ведомости» отныне никто в Москве не обитал. В 1714 году Петр запрещает «купецким людям» селиться за пределами своих слобод, нанимать землю под строительство. Царь боится, что предприимчивые горожане будут укрываться от

податей и налогов за границами слобод. Здесь берет верх, вероятно, забота о фискальной политике – «чернослободцы и выходцы из городов» часто живут в Москве в белых слободах и не платят законных денег.

В петровской Москве нельзя играть в карты. Подобные игры называется «похабством» и «мерзостями», «от чего всякое зло и лихо происходит». Император перечисляет беды средневекового города: на улицах много «гулящих и слоняющихся людей». Пьяные поют песни, беглая матросня и крестьяне заседают в кабаках и харчевнях, воруют у честного народа и убивают простых горожан. В петровских документах таких городских маргиналов называют «непотребными людьми». Если они станут «шататься», то их следует допросить в полиции.

Жителям объявляют: «гулящих» к себе не пускать, людей без поручных записей на работу не нанимать, после удара набатного колокола алкоголь в кабаках не продавать. Если у москвича гость из провинции проводил больше двух недель, следовало сообщить о нем в полицию. Полицмейстеру вменялось следить и за рабочими, чтобы среди них не попадались беглые солдаты. На лошадях в Москве того времени полагается ездить чинно и смирно – «бегание чинить позволяется, токмо выезжая в ямские слободы или по рекам, где мало людей ходят».

Любой переполох на улицах города должен моментально контролироваться властями. Праздным людям стрелять на

улицах нельзя – им предлагается «выходить стрелять за слободами в поле, где жилья нет». Сам Петр, впрочем, не жалеет пороха на стрельбу. Плейер в своем труде 1710 года сообщает: «Когда царь, либо царевич-наследник, либо князь Меншиков в Москве или в деревне, чуть не при всяком обеде и здравии во время пиров или плясок, в дни именин и рождения вышеназванных лиц, даже по случаю выигранной победоносно неважной стычки идет беспрестанная стрельба из ружей». Москвичей уже не удивишь «потешными огнями», которые довольно часто упоминаются в дневниках иностранных дипломатов.

Петр Великий – человек регламента, бумаги, инструкции. Каждый его подчиненный в начале XVIII века должен быть вписан в иерархическую структуру общества, стоять на определенной ступени. Петр призывает на каждом 10 москвичей держать десятского, который бы «за своим десятком накрепко смотрел». Канцелярское клише будет тиражироваться в десятках циркуляров и постановлений времен империи – «чтоб чего не учинилось».

Москвич 1680-х годов мог покидать пределы городских стен в любое время (указ 1683 года говорит: «Из города всяких чинов людей, кто куды ехать или идти похочет, пропускать без задержанья»). Назад пускали не в любой час – внушительные ворота Белого города запирались «в начале 4 часа ночи» (ночью считалось время после заката), а отпирались «за 3 часа до света». В российских городах начала XVIII ве-

ка еще существовали внутренние таможи, и Петр в 1711 году указывает, что шлагбаумы должны стоять у всех дорог вдоль Земляного города, на льду Москвы-реки зимой следует делать специальные рогатки, «дабы мимо никому проезжать было невозможно». В 1718 году устанавливают размеры пошлины, взимаемой с грузов, ввозимых в Москву, – от копейки за воз дров или бревен до трех копеек за телегу досок или теса. До Камер-Коллежского вала, который станет таможенной границей города, оставалось еще несколько десятилетий.

За порядком приходилось следить и за пределами Кремля. Основная жизнь протекала здесь, в узких улочках Китай-города, Занеглименья, Замоскворечья. Указ 1695 года позволяет узнать особенность караульной службы в отдаленных частях Москвы. Петр требует особенного соблюдения порядка «в Кадашеве, в Казенной, в Басманной, в Таганной, в Сыромятной, в Барашах, в Стрелецких и в Пушкарских и в Бронных переулках».

На каждом важном проезде перекрестке требовалось поставить специальные деревянные надолбы, врытые в землю. Каждые десять дворов должны были предоставить одного караульного, вооружение блюстителей порядка тоже описывается – это ружье, копье, бердыш или рогатина. Цель понятна – «смотреть того накрепко, чтобы воровским людям в те слободы для разбою и ни для какого воровства приходу и приезду не было».

Юст Юль в своем обстоятельном дневнике указывает, что любой богатый человек содержит сторожа, который ночью стучит в ворота и сообщает, «сколько пробило часов, дабы живущие в доме слышали, что он не спит, и знали, который час, а воры опасались бы пускаться на разбой и кражи, слыша, что во дворе бодрствуют люди».

В 1722 году в инструкции обер-полицмейстеру Москвы Петр напоминает основы охраны порядка – на ночь улицы по концам перекрываются подъемными рогатками, возле них по очереди несут караул мужчины старше 20 лет, они вооружены ружьями и дубинами, снабжены трещотками. Рогатки опускались около 23:00, а поднимались за час до рассвета. Все ночные прохожие должны были идти по городским улицам с фонарями.

Соблюдался принцип «больше трех не собираться» – «более трех человек из подлых, хотя и с фонарем» брали под караул. Если на караульщиков нападут, то они должны немедленно бить в трещотки и звать на помощь вооруженных соседей. Такие меры, если верить запискам Юля, отнюдь не были лишними: «Разбойники представляют в Москве истинное бедствие. Выйти вечером на улицу – значит подвергнуть свою жизнь опасности. Зимой без уличных убийств и грабежей не проходит ни одной ночи. Утром на улицах находят трупы ограбленных. Возле самого моего подворья и в ближайших его окрестностях за время трехмесячного пребывания моего в Москве убито 16 человек, несмотря на то что я

часто высылал стражу, чтоб подстеречь этих злодеев». Еще нет Ваньки Каина, но его предшественники выполняют свою грязную работу.

Отношение к нищим

Город с его относительно сытой жизнью всегда привлекает нищих и праздношатающихся. В деревне нужно бороться со скудной российской почвой, а в городе излишки еды почти всегда найдутся. И. Г. Прыжов в своем труде «Нищие на святой Руси» пишет, что в Москве ведущие страннический образ жизни «имели днем постоянное пребывание на мостах», собирались на Варварском крестце (перекрестке). На хлеб им подавали охотно.

На поминках по царю Федору Алексеевичу, умершему в 1682 году, 300 нищих кормили пять дней подряд, каждому досталось «по чарке вина двойного и по кружке меду». Прыжов рисует устрашающую картину: «Прокураты и целые строи калик и лазарей ходят, ползают, лежат, гремят веригами, трясутся... Ими наполнены княжеские и царские терема... Ими набиты все церкви, а церковей много». Петр начинает с нищенством довольно решительную борьбу. В отношении нищих, не числящихся за конкретными богадельнями, предлагается простая и действенная схема – их расспрашивают, бьют батогами и отсылают «в прежние их места» хозяевам. Среди хозяев могли числиться бояре, вотчинники и монастыри.

Нищие работали и жили в богадельнях. Милостыню на московских улицах при Петре собирать запрещено – кто

«похочет дать милостыню, то им отсылать ее в богадельню». Корнилий де Бруин пытался оправдать поступок русского монарха: «Желая уничтожить это зло, его величество запретил нищим просить по улицам милостыни; с другой же стороны, он запретил всем без исключения и подавать милостыню, под опасением взыскания пени в пять рублей... В то же время, чтоб обеспечить существование бедных, заведены близ каждой церкви – как внутри, так и вне Москвы – богадельни, на содержание которых царь приказал отпускать ежегодно жалованье». Подобные строгие меры и запреты на милостыню, конечно, прижились в Москве не сразу: на Руси любили нищих, они приносили в город свежие новости, могли развлечь хозяев песнями и сказками. Иван Посошков, один из сторонников Петра, тут круто не согласен со своим патроном: «Бог положил предел, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуют».

Петр считает, что от праздношатающихся растет число преступлений и пожаров, что они «на шпионство от бунтовщиков и изменников подрываются» и «простой народ к презорству властей преклоняют». Петр сокрушается, «сколько тысяч в России обретаются ленивых таковых прошаков». Всякий попрошайка должен знать свое место: крепостного – к помещику, молодого – на государственные работы, маленького – на воспитание в семью либо в школу.

Особенно подозрительно Петр относился к молодым нищим: «Здоровых, когда поймают, в каторжную работу с на-

казанием отсылать, ибо в таковых много воров бывает, и чуть не все». К переходим каликам Петр тоже относится с нескрываемым презрением: «Ленивые оные нахальники сочиняют некая безумная и душевредная пения, и она с притворным стенанием перед народом поют, и простых невеж еще вяще обезумливают, приемля за то награждение себе». Да, при Петре в электричке не поиграешь и не попоешь...

Дерево или камень?

Москва всячески противилась внедрению камня. Противостояние двух материалов видится нам одной из главных вех московской истории. Москвичи считали дерево здоровым материалом – оно «дышало», хотя и быстро горело. Настоящим бичом средневековой Москвы были отнюдь не эпидемии, а пожары, причем если в XIX веке на пожары любил приезжать полицмейстер, то в начале XVIII века во время крупных бедствий среди огня появлялся сам Петр. К. де Бруин описывает одно из происшествий, когда загорелся крупный дом в Немецкой слободе: «Царь тотчас же явился сам на пожар и лично давал надлежащие распоряжения для прекращения огня, как это его величество делает и всегда в подобных случаях. В Москве есть особая стража, наблюдающая во все часы ночи и поднимающая тревогу немедленно, как только произойдет подобное несчастье».

После пожара истый москвич ехал на Трубную площадь, где находился Лубяной торг, покупал там готовую избушку и лениво возводил ее на прежнем месте. «Относительно зданий, ничто мне не показалось здесь так удивительным, как постройка домов, которые продаются на торгу совершенно готовые, так же как и покои и отдельные комнаты. Дома эти строятся из бревен или древесных стволов, сложенных и сплоченных вместе так, что их можно разобрать, перенести

по частям куда угодно и потом опять сложить в очень короткое время», – писал К. де Бруин. Многие церкви первоначально были деревянными. В переулках Остоженки до сих пор стоит церковь Ильи Обыденного, возведенная в давние времена в деревянном варианте всего лишь за один день.

Петру не удастся переломить сложившейся традиции. Дерево будет побеждать кирпич с камнем и в XIX веке. Хотя, казалось бы, под Москвой есть залежи прекрасного мячковского известняка, из блоков которого сложены многие древние соборы XV–XVI веков. Село Мячково лежит ниже столицы на Москве-реке. «Людам чинится великое разоренье, и государству убытки», – прямо говорит один из петровских указов, намекая на деревянное строительство.

Чем объяснить такое рьяное сопротивление каменному строительству? Иван Забелин дает достаточно убедительные доводы: «По-видимому, каменные здания представлялись москвичам чем-то вроде тюрем. Доморощенные строители, недалекие в познаниях и опытности по этой части, сооружали толстые стены, тяжелые своды, иногда с железными связями, и такое помещение походило больше на тюрьму или на погреб, чем на жилье. Поэтому москвичи если и строили подобные палаты, то с одною только целью – чтобы на каменном основании выстроить более высокие деревянные хоромы, употребляя это основание, как подклетный этаж, для разных служебных помещений своего хозяйства». Действительно, большинство московских палат XVII века с

виду кажутся олицетворением поговорки «Мой дом – моя крепость», но полезной площади внутри оказывается не так уж и много.

Иржи Давид приводит довольно подробное описание московского жилья той поры: «Строения в основном деревянные, просторные, у некоторых два бревенчатых перекрытия, у некоторых только одно, окружены изгородью, или, как они говорят, забором... Из-за такой обширности строений неизбежно получается, что и сам город раскинулся так широко. Дома бояр и других чиновников очень чистые, но избы прислуги и простонародья полны дыма, ибо они имеют не каминны, а печи, которые, когда топят, наполняют всю комнату невыносимым дымом и отсюда называются черные избы».

Внешний вид улиц и пожарная безопасность волновали царя, о чем говорит настоящий вал указов рубежа веков. Еще в 1685 году от бояр требовали крыть палаты тесом, «сверх тесу усыпать землю и укладывать дерном». Если боярин не может потратиться на каменное строительство, он может хотя бы подпорные стенки своего участка выполнить из кирпича. В 1701 году царь требует от москвичей, пострадавших от пожара, возводить только каменное жилье, пусть даже толщиной в один или полтора кирпича. Впрочем, небогатым горожанам он разрешает строить мазанки. Все, чтобы избавиться от дерева! Всю вторую половину XVII века власти пытались внедрить новые строительные материалы: так, пострадавшим от пожара 1681 года предлагали кирпич с рас-

срочкой на 10 лет.

В 1704 году в Москве запрещают любое строительство, кроме каменного, в пределах Кремля и Китай-города. Здесь Петр уже не предлагает альтернативных вариантов «возьми-те бревна в два ряда» либо «воспользуйтесь мазанкой». Указ недвусмысленно заявляет: те, кому не по карману каменное жилье, пусть продают свои дворы богатым москвичам. В том же 1704 году Петр потребовал размещать новые дома «по большим улицам и по переулкам, а не посеред дворов своих». Начало XVIII века несло в Москву красную линию фасадов.

В 1705 году император, судя по всему, решительно взялся за внешний облик Китай-города: он запрещает каменное строение лавок в любых частях Москвы, кроме Посада. Если ты живешь в Белом или Земляном городе и хочешь построить каменную лавку или палаты – будь добр приобрести участок в Китай-городе и там воплощай свои архитектурные фантазии. Свой указ о застройке Китай-города исключительно камнем император почти дословно повторяет в 1709 году, а в 1710 году фактически открыто призывает богатых людей меняться участками с «убогими» горожанами, правда, «дабы убогие не были обижены».

В 1712 году государь еще раз обращается к строительной сфере – отныне даже в Белом городе всякие каменные хоромы должны быть покрыты дерном и черепицей. Желая ликвидировать дефицит на рынке стройматериалов, в 1712 го-

ду Петр разрешает «на Москве кирпич, камень, известь делать всякого чина людям» и продавать по рыночной цене. В то же время царь предлагает обкладывать деревянное жилье кирпичом, «дабы ни малаго дерева знаку не было». Деревянные палатки еще можно строить, но только для продажи товаров. «Хоромное деревянное строение» отныне запрещено «под жестоким страхом» на значительной территории Москвы – вплоть до Белого города. Иржи Давид успел заметить позитивные перемены, когда дерево стало сдавать свои позиции: «После недавнего пожара многие знатные лица строят себе дома охотнее из камня, чем из дерева. Да и купцы, потерпевшие в прошлом году большие убытки, когда лавки их сгорели дотла, теперь строят каменные. Но и каменные дома обычно темные, частично из-за толстых стен, частично из-за непропорционально маленьких окон».

Однако ум первого императора был слишком изменчив, царь предпочитал вести себя тактически, а не стратегически и планировал большинство дел на малый срок. В 1714 году во всех городах запрещается каменное строительство. Драгоценный строительный материал нужен для возведения новой столицы, Санкт-Петербурга. Но что делать тем, кто добросовестно исполнял прежние приказы власти и начал все-таки возводить каменное жилье? Петр в 1714 году великодушно разрешает всем ведущим каменное строительство закончить работы, «а вновь никому отнюдь не строить». Указ распространялся на территории Земляного города и на зем-

ли, расположенные за валом.

Чтобы как-то выйти из положения и спасти собственный авторитет, Петр в декабрьском указе 1714 года предлагает компромиссный вариант – деревом в пределах Китай-города, Кремля и Белого города по-прежнему не пользоваться, но возводить мазанки из глины. Из Адмиралтейства в Москву должны были прислать двух плотников для строительства «образцовой мазанки». В 1718 году император максимально подробно излагает и закрепляет свои взгляды на строительную сферу: в Кремле и Китае работаем только с камнем, строим по красной линии улиц («а не во дворах, как в старину делали»), крышу кроем черепицей, улицы мостим диким камнем. В Белом городе Петр все же разрешает деревянное жильё, «только чтоб потолки были с глиною, а не бревенчатые или дощаные», понимая, что цены на камень и кирпич неподъемны для многих горожан.

В том же указе Петр много рассуждает о том, как делать печи, чтобы уменьшить количество пожаров. За нарушение указа полагался штраф в 50 рублей, в случае второго ослуживания москвича отправляли на галеры. Пожары действительно не были редкостью. Юст Юль в дневнике подробно рассказывает о рядовом бедствии: «Когда видишь здесь начинающийся пожар, становится страшно: так как почти весь город построен из леса, а пожарные учреждения плохи, то огонь распространяется до тех пор, пока есть чему гореть. На пожар выходят русские священники с хоругвями, образа-

ми, кадилами и другою священной утварью и молятся между пожарищем и незанявшимися еще домами, но все напрасно. Простой народ только смотрит в бездействии и стережет случай, как бы что-нибудь своровать или стащить. Спасать имущество или тушить огонь его не побудишь и за деньги. Настоящий пожар после больших усилий остановили наконец тем, что разобрали множество домов под ветром. Когда огонь дошел до пустого места, то, не находя более пищи, поневоле погас сам собою». В XIX веке пожарная служба в Москве будет устроена образцово и станет одним из предметов гордости городских властей.

В 1722 году Петр издает один из последних личных указов, регламентирующих застройку Москвы. Отныне владельцы пустых участков, которые не используют их под жилье, должны организовать на них строительство. В частности, жителей Китай-города обязывали обзавестись каменными палатами в течение четырех лет после указа. Крыши Петр в 1720-е годы предпочитает видеть железными, а если денег нет, то можно обойтись и гонтами (дранкой). Всякая стройка в Москве начиналась с религиозного обряда. Юст Юль отмечает: «Проезжая по городу, я заметил среди улицы русского священника, или попа, в полном облачении. Я тут же приказал спросить, что это значит. Мне отвечали, что он должен освятить место, на котором предполагается строить дом. Там в самом деле сделаны были нужные приготовления для постройки дома».

В мае 1722 года, рассуждая о московских мостовых, Петр приказывает делать их постепенно («не все вдруг»), чтобы цены на камень и дерево не взлетали. Город мостили неспешно – Берхгольц описывает последствия дождя в одном из самых благоустроенных районов города, Немецкой слободе. «Хотя дождь начался только со вчерашней ночи, однако ж на улицах сделалась уже такая грязь, что балки деревянных мостовых почти плавали, почему в Слободе без сапог невозможно было пройти пешком. При этом случае оказалось, что сделанные летом с большими трудами и издержками рвы по обеим сторонам улиц помогали очень мало или вовсе ничего, потому что около них во многих местах земля лежала выше середины улиц и накоплявшаяся вода не имела стока в канавы».

В 1705 году поднимается вопрос о замощении московских улиц: владельцы крестьян обязаны с каждых 10 дворов предоставить кто камни размером с гусиное яйцо, а кто камнями обхватом в полуаршин. Все приезжающие в Москву отныне должны иметь в багаже «по три камня диких ручных». Нужны люди и средства для строительства новой столицы, Санкт-Петербурга, и в 1710 году власти Московской губернии обвиняются в том, что не прислали в Петербург больше 3000 человек и 20 с лишним тысяч рублей.

Появление аптек

В 1701 году Петр делает шаг навстречу признанию официальной медицины – он требует построить в Москве восемь аптек, правда, царь приказывает «виноградного или иного какого нелекарственного питья в тех аптеках не держать», а в чарки и ведра лекарственный спирт не отпускать. В Немецкой слободе до сих пор сохранился Аптекарский переулок, который напоминает об одной из тех аптек, она была открыта иностранцем Грегори.

Одновременно ломают зеленый ряд на Красной площади, где торговали снадобьями и травами. Главная аптека при Петре располагалась в здании Земского приказа на Красной площади. Для своего времени заведение казалось крайне современным: «Она поистине может считаться одною из лучших аптек в мире как в смысле обширности комнаты, так и в отношении разнообразия снадобий, царствующего в ней порядка и изящества кувшинов для лекарств... В аптеке служат превосходные провизоры и помощники (провизоров) – все иностранцы. Старшим надсмотрщиком состоит английский доктор Арескин». Юст Юль отмечал, что аптека не обходится царю в убыток, потому что снабжает флотские и сухопутные части, а у солдат из жалованья вычитают определенный процент за лекарства. Аптекарский сад в Москве в 1706 году перенесли за Сухареву башню, раньше лекарственные травы

выращивали на месте нынешнего Александровского сада, на берегу Неглинки, еще не убранной в коллектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.